

КАКОВЪ ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ ПРОПОВѢДНИКЪ?

(Изъ критическихъ очерковъ по вопросамъ гомилетики).

I.

Среди всѣхъ видовъ человѣческой рѣчи проповѣдь занимаетъ совершенно исключительное положеніе, какъ слово жизни. Проповѣдникъ научаетъ своихъ слушателей истинной жизни, т. е. онъ не только открываетъ имъ, въ чемъ состоитъ истинное и правое въ противоположность ложному, но и показываетъ имъ, въ чемъ состоитъ дѣйствительная духовная жизнь въ отличіе отъ жизни внѣшней, временной, призрачной,—и не только показываетъ, но и научаетъ ихъ жить этою дѣйствительною жизнью. Но жизни, именно дѣйствительной внутренней жизни, нельзя научить словомъ въ его отрѣшенности отъ жизни, но можно научить только жизнью и только такимъ словомъ, которое исходитъ изъ жизни. Неразрывное отношеніе къ жизни самого проповѣдника составляетъ первую стихію проповѣдническаго слова. Здѣсь на первомъ мѣстѣ жизнь и затѣмъ слово, какъ живое дѣло. Въ этомъ отношеніи проповѣдь можно сравнивать съ ораторскою рѣчью; но между ними то существенное различіе, что въ ораторѣ личность дѣйствуетъ на слушателей искусствомъ, внѣшнимъ обликомъ, въ немъ дѣйствіе личности есть только образъ, или форма, или внѣшняя сторона рѣчи. И нравственныя требованія классической риторики не выходили изъ предѣловъ искусства психологическаго дѣйствія на сердце и всецѣло ограничивались тѣмъ, чѣмъ ораторъ долженъ казаться для слушателей. Напротивъ въ христіанскомъ проповѣдникѣ на первомъ мѣстѣ

внутренняя дѣйствительная жизнь его, внутренній подвижъ. Здѣсь не искусство, а самая жизнь духовная. Посему разсматривать проповѣдь изолированно отъ духовной жизни проповѣдника значить ложно понимать проповѣдь. Первый вопросъ гомилетики, ея краеугольный камень—это вопросъ о томъ, каковъ долженъ быть проповѣдникъ.

II.

Въ раскрытіи мысли о зависимости успѣховъ проповѣди отъ нравственныхъ качествъ и личной жизни проповѣдника мы должны слѣдовать отъ общаго къ частному и отъ предшествующаго психологически къ позднѣйшему. Мы должны начать съ того, какимъ проповѣдникъ долженъ быть прежде, чѣмъ онъ приступитъ къ проповѣданію Слова Божія, что онъ долженъ имѣть общаго со всякимъ истиннымъ христіаниномъ.

Всѣмъ христіанамъ заповѣдано прославлять Бога своею жизнью, добрыми дѣлами (Мѡ. V, 16) ¹⁾. Отъ этого долга не свободенъ и проповѣдникъ, совершающій „служеніе слова“. Самъ Христосъ, нашъ единый учитель (Мѡ. XXIII, 8), выступилъ на служеніе благовѣствованія не прежде, чѣмъ побѣдилъ искушенія (Мѡ. IV, 17). И Онъ не только училъ, но *дѣлалъ и училъ* (Дѣян. I, 1). По Его наставленію (Мѡ. V, 19) поступали (1 Кор. IV, 16; IX, 26. 27; XI, 1; Филип. III, 17; 2 Тесс. III, 7—10) апостолы, заповѣдуя въ свою очередь такъ поступать и своимъ преемникамъ, пастырямъ церкви (1 Пет. V, 3; 1 Тим. IV, 12; Тит, II, 7). Весьма поучительно въ данномъ отношеніи остановиться мыслью на тѣхъ путяхъ, какими христіанство проникало въ среду язычества: оно проповѣдывалось не однимъ словомъ благовѣстниковъ Христовыхъ, но жизнью всѣхъ христіанъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ св. Іустинъ Философъ въ 1 апол. гл. 16. „Господь Іисусъ Христосъ, пишетъ онъ, увѣщавалъ насъ терпѣніемъ и кротостью отводить всѣхъ отъ постыдныхъ дѣлъ и пристрастія къ злу. Это я могу показать на многихъ изъ нашихъ,

¹⁾ Хотя и словомъ „призваны и обязаны проповѣдывать Христа не одни пастыри, но и міряне“ (Архіеп. Никанора *Поученія*, т. 2, стр. 467, ср. архим. Анастасія *Проповѣди*, 1880 г., стр. 34), но несомнѣнно съ меньшей степенью обязательности.

которые изъ наглыхъ и свирѣпыхъ перемѣнились, будучи побѣждены или тѣмъ, что насмотрѣлись строгости жизни своихъ сосѣдей (христіанъ), или тѣмъ, что видѣли въ спутникахъ чудное терпѣніе въ перенесеніи обидъ, или изъ опыта узнали нравы тѣхъ людей, съ которыми соприкасались по дѣламъ“. Въ томъ же направленіи учителя церкви оставили многочисленныя наставленія. Св. Іоаннъ Златоустый, высказавшій много прекрасныхъ замѣчаній о проповѣдничествѣ въ 4 и 5 словахъ *о священствѣ*, въ первомъ изъ нихъ пишетъ между прочимъ: „главнѣйшая цѣль ученія та, чтобы и дѣлами и словами привести поучаемыхъ къ той блаженной жизни, которую предписалъ Христосъ, — и каждая изъ этихъ двухъ частей (т. е. дѣлъ и словъ) имѣетъ нужду въ другой, чтобы зданіе было совершенно“. Также блаж. Августинъ пишетъ: „какъ бы ни была возвышенна проповѣдь наша, но въ дѣйствительной побѣдѣ надъ слушателями всегда болѣе имѣетъ вѣсу и силы жизнь проповѣдника, нежели слово его“ (*Христ. наука*, кн. IV, LIX). Много подобныхъ наставленій даетъ св. Григорій Великій въ *Правильхъ пастырскомъ*, гдѣ мы читаемъ: „каждый проповѣдникъ долженъ учить болѣе дѣлами, нежели словами“ (ч. III, XLII) и т. д. Въ нашей отечественной извѣстной книгѣ *о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ* отдѣльно трактуется объ ученіи словомъ и ученіи дѣломъ.

Только слово того проповѣдника, который самъ живетъ такъ, какъ учить жить другихъ, можетъ быть искреннимъ, а искренность есть необходимое условіе дѣйствія слова на волю слушателей.

III.

Добрая жизнь кромѣ того, что служитъ хорошимъ образцомъ для слушателей проповѣдническаго слова, имѣетъ то особое значеніе для самого проповѣдника, что даетъ ему духовную опытность.

Ученіе Господа Иисуса Христа производило на народъ необычайное дѣйствіе (Іоан. VII, 46), потому что Онъ Самъ былъ свидѣтелемъ Своего ученія (VIII, 18). Правда, Онъ говорилъ не отъ Себя, Онъ дѣлалъ и говорилъ такъ, какъ научилъ Его Отецъ (VIII, 28; XIV, 10), говорилъ истину, которую слышалъ отъ Отца (VIII, 40); но слышаніе отъ Отца не было

съ Его стороны виѣшнимъ воспріятіемъ истины, разсудочнымъ познаваніемъ, а было опытнымъ обладаніемъ истины, внутреннимъ переживаніемъ ея. Онъ жилъ жизнью Отца Небеснаго (X, 30) и потому истина, которую Онъ слышалъ отъ Отца, пребывала въ Немъ (Ефес. IV, 21; Іоан. XIV, 6). Онъ опытно зналъ, Онъ видѣлъ и слышалъ у Отца то, о чемъ говорилъ (III, 11. 32). Это исключительное отношеніе Христа Іисуса къ Богу Отцу придавало Его проповѣди ту особенность, что Онъ былъ именно свидѣтелемъ истины. Онъ не выводилъ истины изъ какихъ либо данныхъ, или предпосылокъ, какъ это дѣлаютъ философы, Онъ не доказывалъ ея логическими доводами,—нѣтъ, Онъ только свидѣтельствовалъ о томъ, что видѣлъ и что слышалъ у Отца (Іоан. III. 11. 32) ¹⁾.

Также апостолы были собственно свидѣтелями той истины, которую проповѣдывали. И ихъ положеніе среди слушателей было особеннымъ: они были очевидцами жизни, дѣяній, страданій и воскресенія Христа (Дѣян. I, 21. 22; 2 Пет. I, 16) и слышателями Его словъ; они были уполномочены отъ Него Самого свидѣтельствовать о Немъ (Іоан. XV, 26. 27; Дѣян. I, 8). Въ этомъ было ихъ великое преимущество. Они являлись предъ слушателями очевидцами божественной жизни, которая явилась во Христѣ. *О томъ, что было отъ начала, пишетъ апостолъ, что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали и что осязали руки наши, о Словѣ жизни (ибо жизнь явилась, и мы видѣли и свидѣтельствуемъ, и возвыщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ),—о томъ, что мы видѣли и слышали, возвыщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами: а наше общеніе—съ Отцомъ и Сыномъ Его, Іисусомъ Христомъ* (1 Іоан. I, 1—3).

И преемники апостоловъ въ дѣлѣ христіанской проповѣди также должны быть свидѣтелями божественной истины, принятой ими по преданію отъ Христа и апостоловъ. Въ этомъ

¹⁾ Въ нѣкоторой степени та же особенность была присуща рѣчамъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, о которыхъ св. Іустинъ Философъ пишетъ: „они въ своихъ рѣчахъ не пускались въ доказательства, ибо они выше всякаго доказательства, будучи достовѣрными свидѣтелями истины“ (Разг. съ Триф. 7).

именно свидѣтельствоваіи христіанской истины задача проповѣдника. Въ способности свидѣтельствовать о ней, а не въ чемъ либо другомъ и, въ частности, не въ учепости, хотя бы богословской, лежитъ основаніе проповѣдническаго призванія (ср. Дѣян. I, 21. 22). Но чѣмъ пріобрѣтается для него самая эта возможность? Очевидно, не тѣми особыми историческими условіями, въ которыя были поставлены апостолы, а доступными для него условіями психологическими—духовною опытностію. Прежде чѣмъ выступить благовѣстникомъ Христовымъ, христіанинъ долженъ самъ пережить истину, открытую Христомъ и проповѣданную апостолами, опытно убѣдиться, что слѣдованіе Христу дѣйствительно даетъ блага, обѣтованныя Спасителемъ; онъ долженъ дѣйствительнымъ переживаніемъ пріобщиться той духовной жизни, которая истекаетъ отъ Христа, внутренне сродниться съ Христомъ, воспринять въ себя отъ Его Духа Святаго. Эта духовная опытность на языкѣ Слова Божія называется помазаніемъ отъ Св. Духа и представляется не исключительною особенностію проповѣдника, но свойственною каждому истинному христіанину (1 Іоан. II, 20. 27). Проповѣдникъ же долженъ обладать имъ преимущественно, иначе онъ можетъ сообщить своимъ слушателямъ только знаніе словъ, а не самой истины. „Кто ведетъ рѣчь о духовномъ, не вкусивъ того самъ, пишетъ св. Макарій Великій (*Добротолубіе*, т. 1, изд. 3, стр. 220), тотъ уподобляется человѣку, который при наступленіи дневного зноя идетъ пустымъ полемъ и, томясь жаждою, описываетъ источникъ, струящійся водою, изображая себя піющимъ, тогда какъ засохли у него уста и языкъ отъ палящей ихъ жажды... Такъ, если ведутъ рѣчь о совершенствѣ, о радованіи или о безстрастіи не ощущавшіе въ себѣ ихъ дѣйственности и удовольствіенія ихъ; то на дѣлѣ не все бываетъ такъ, какъ они говорятъ. Иное дѣло — разсуждать о хлѣбѣ и о трапезѣ, а иное дѣло — ѣсть и принимать въ себя хлѣбную питательность и укрѣпляться всѣми членами. Иное дѣло — на словахъ поговорить о самомъ сладкомъ питіи, а иное — поити и почерпнуть изъ самага источника и насытиться вкушеніемъ сладкаго питія. Такъ и въ духовномъ: иное дѣло — однимъ вѣдѣніемъ и умомъ объяснять себѣ сказанное, а иное дѣло — существенно, на самомъ дѣлѣ, съ несомнѣнно-

стью, во внутреннемъ человѣкѣ и умѣ имѣть сокровище, благодать, внушеніе и дѣйствіе Святаго Духа. Произносящіе одни только слова мечтаютъ и надмеваются своимъ умомъ“.

Духовная опытность проповѣдника порождаетъ въ слушателяхъ довѣріе къ его слову: они чувствуютъ, что слышатъ человѣка, на котораго можно положиться, который свидѣтельствуешь о томъ, что „видѣлъ и слышалъ“. На сколько велико въ человѣкѣ стремленіе найти авторитетъ въ области истины, на столько рѣшающее значеніе въ дѣлѣ убѣдительности проповѣдническаго слова имѣетъ это довѣріе, порождаемое въ слушателяхъ духовною опытностью проповѣдника.

IV.

Добрая жизнь и духовная опытность не составляютъ обязанностей исключительно проповѣдника, но требуются отъ каждаго истиннаго христіанина, хотя понятіе духовной опытности есть уже болѣе тѣсное и болѣе характеристичное для проповѣднической дѣятельности. Но мы должны идти еще далѣе въ этомъ направленіи, мы должны говорить теперь о томъ, что составляетъ специфическій признакъ истиннаго проповѣдника съ первыхъ шаговъ его дѣятельности. Это есть особое призваніе благовѣстника Христова.

Подъ призваніемъ проповѣдника слѣдуетъ разумѣть и „глаголь Божій къ нему“ (Лук. III, 2) и собственное внутреннее влеченіе.

Истинный благовѣстникъ Христовъ есть тотъ, кто призванъ къ сему служенію Богомъ, кто посланъ отъ Него. *Какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы?* вопрошаетъ апостоль Павелъ (Рим. X, 15). Провозвѣстники воли Божіей, ветхозавѣтные пророки выступали на свое служеніе каждый по особому призванію Божіему, ибо никогда пророчество не было произносимо по волѣ человѣческой, но изрекали его святые Божіи человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ (2 Пет. I, 21). Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не Самъ Себѣ присвоилъ славу (Евр. V, 5) быть провозвѣстникомъ воли Божіей, но Онъ былъ посланъ на то отъ Бога, Онъ былъ учитель пришедшій отъ Бога и Его ученіе было ученіемъ Пославшаго Его (Лук. IV, 43; Іоан. III, 2. 34; VII, 16

VIII, 28. 29; XIV, 24). Апостолы, какъ показываетъ самое названіе ихъ, были посланниками Христа на дѣло проповѣди, были избраны имъ къ благовѣстію Божію (Лук. IX, 2; X, 3; Іоан. XVII, 18; Рим. I, 1 и мн. др.).

Призваніе Божіе встрѣчаетъ или порождаетъ въ истинномъ проповѣдникѣ внутреннее влеченіе къ „служенію слова“ Божія. *Ты влекъ меня, Господи, восклицаетъ древній пророкъ, и я увлеченъ: Ты сильнѣе меня и превозмогъ; и я каждый день въ поспѣшаніи, всякій издѣвается надо мною... И подумалъ я: не буду напоминать о Немъ, и не буду болѣе говорить во имя Его; но было въ сердцѣ моемъ, какъ бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и не могъ* (Іер. XX, 7. 9).

Господь нашъ Іисусъ Христосъ дѣло благовѣствованія считалъ для Себя столь естественнымъ, сколь естественно въ насъ все, вложенное въ нашу природу отъ рожденія: *Я на то родился, сказалъ Онъ Пилату, и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ* (Іоан. XVIII, 37). Свое внутреннее призваніе къ возвышенію воли Божіей Онъ сравнивалъ съ естественными потребностями въ пищѣ и питіи и совершеніе воли Отца—съ питаніемъ. Послѣ бесѣды съ самарянкою у колодезя Іаковлева, Онъ говорилъ Своимъ ученикамъ, отлучавшимся за покупкою пищи: *у Меня есть пища, которой вы не знаете. Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершить дѣло Его* (Іоан. IV, 32. 34). Также апостолы проповѣдывали слово Божіе не припужденно, но охотно: *если я, пишетъ ап. Павелъ, благовѣствую, то не чѣмъ мнѣ хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мнѣ, если не благовѣствую! Ибо если дѣлаю это добровольно, то буду имѣть награду; и если недобровольно, то исполняю только вѣтренное мнѣ служеніе* (1 Кор. IX, 16. 17: ср. 1 Пет. V, 2).

По установившемуся въ церкви Христовой порядку благовѣстниками слова Божія являются пастыри, которымъ въ таинствѣ іерархическаго рукоположенія подается Божіе благословеніе на дѣло благовѣствованія, „благодать учительнаго слова“¹⁾. Пастырямъ церкви нужно при этомъ помнить,

¹⁾ Уже требуя, чтобы проповѣдникъ былъ истиннымъ христіаниномъ, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ въ проповѣдникѣ личность „возрожденную и

что непрерывность іерархическаго рукоположенія по отношенію къ „служенію слова“ имѣетъ болѣе глубокое значе-

облагодатствованную“; теперь мы говоримъ даже о „благодати учительнаго слова“. Однако входитъ въ рѣшеніе вопроса объ отношеніи благодати къ естественнымъ силамъ проповѣдника мы считаемъ излишнимъ для гомилетики; тѣмъ болѣе, что церковное ученіе по этому вопросу общезвѣстно: благодать „врачуешь немощная и восполняетъ оскудѣвающія“ и, въ этомъ своемъ общемъ отношеніи къ естественнымъ силамъ человѣка, она, въ частности, руководитъ проповѣдникомъ, содѣйствуетъ ему. Во всякомъ случаѣ было бы преувеличеніемъ придавать благодати въ дѣлѣ проповѣдничества специфически-продуктивное значеніе, какъ это дѣлаютъ западные гомилеты Шпенеръ и Гауптъ и русскій проф. Н. И. Барсовъ, который пишетъ: „главная продуктивная сила проповѣди есть благодать Господня, даруемая церкви въ таинствѣ священства,—проповѣдь прежде всего есть продуктъ благодати священства“ (*Нѣсколько изслѣд. истор.*, 1899 г., стр. 6). Объ этомъ мнѣніи мы будемъ говорить въ другихъ мѣстахъ; но сдѣлаемъ и теперь нѣсколько замѣчаній, умѣстныхъ здѣсь. Въ противоположность этому мнѣнію, мы придаемъ благодати въ дѣлѣ проповѣдничества 1) весьма важное посредственно-жизненное значеніе въ томъ смыслѣ, что она является одною изъ дѣйствующихъ причинъ въ возрожденіи человѣка, что каждый христіанинъ есть личность возрожденная и облагодатствованная, а проповѣдь есть жизненное дѣло, ея успѣхи зависятъ отъ жизни проповѣдника такъ же, какъ и познаніе христіанской истины есть жизненное, а не исключительно теоретическое дѣло; 2) непосредственное или специфическое и именно руководственное значеніе, причемъ существенный смыслъ этого значенія благодати полагаемъ въ посольствѣ проповѣдника (Римл. X, 15) отъ Господа Иисуса Христа или церкви. Посему мы говоримъ не о продуктивномъ значеніи благодати, а вообще о жизни проповѣдника христіанской, слѣд. облагодатствованной, и будемъ говорить о знаніи проповѣдникомъ слова Божія и дѣйствительной жизни (ср. *ibid.* стр. 11: „Нравственная христіанская зрѣлость, личный духовный опытъ проповѣдника даютъ ему компетентность въ правоученіи и обличеніи; его специальное знаніе догматовъ вѣры дѣлаетъ его авторитетнымъ для наставленій въ истинѣхъ теоретическаго ученія; затѣмъ знаніе условій мѣста, времени, характеровъ и отношеній людскихъ—все это даетъ широкій просторъ проповѣдническому субъективизму“); въ частности мы говоримъ о призваніи къ дѣлу проповѣдничества Господомъ Иисусомъ Христомъ или церковью (ср. *ibid.* стр. 10. 11: „проповѣдникъ вѣщаетъ свое слово *лишь* подъ руководствомъ благодати... и отъ лица церкви“). Мы, такимъ образомъ, различаемъ рѣчь религиозно-экстатическую, какъ продуктъ Св. Духа, отъ слова проповѣдника, которому благодать только содѣйствуетъ,—различаемъ такъ, какъ это дѣлалъ блж. Августинъ (*Хр. наука*, кн. IV, гл. XXXII—XXXIII).—Между прочимъ, исключительнаго и именно продуктивнаго значенія благодати священства потому нельзя придавать, что церковью къ проповѣдничеству допускались и допу-

ніе, чѣмъ простое благословеніе отъ іерархической власти. Христіанское „служеніе слова“ имѣетъ свое основаніе въ Богѣ и ведетъ свое начало отъ самого Господа Іисуса Христа. Въ Его лицѣ Слово, которое было у Бога, стало плотью, и обитало съ нами, полное благодати и истины (Іоан. I, 1. 14), — учило насъ на понятномъ для насъ языкѣ. Отъ этого-то Слова Божія не должно быть отрываемо ученіе христіанскихъ проповѣдниковъ: чтобы быть благовѣствованіемъ Христовымъ, оно должно быть возвѣщеніемъ этого божественнаго Слова, оно должно быть исполненіемъ заповѣди Христовой и утверждаться на тѣхъ полномочіяхъ, которыя даны проповѣдникамъ въ этой заповѣди: *идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ; и се Я съ вами во все дни до скончанія вѣка* (Мѣ. XXVIII, 19. 20). Посланнычество отъ Самого Іисуса Христа или Его церкви на продолженіе Его дѣла, на возвѣщеніе Его слова—это столь необходимое условіе христіанскаго проповѣдничества, что безъ него не можетъ быть истиннаго проповѣдника. Кто не сознаетъ себя посланникомъ Христа, тотъ не христіанскій проповѣдникъ; кто не слышитъ Его призывающаго голоса, возжигающаго внутренній огонь и увлекающаго, тотъ самозванецъ на нивѣ Христовой. Затѣмъ пастыри церкви должны помнить, что „глаголь Божій“ долженъ встрѣчать въ ихъ сердцѣ внутреннее влеченіе, внутреннее расположеніе къ дѣлу Христа. *Напоминаю тебѣ*, писалъ апостолъ Павелъ своему возлюбленному ученику Тимоѳею, *возгрѣвать даръ Божій, который въ тебѣ чрезъ мое рукоположеніе* (2 Тим. I, 6). Если внѣшній глаголь Божій къ человѣку не встрѣчаетъ

скаются міряне, что для проповѣдника поэтому безусловно необходимо *посольство* отъ церкви, а не священство: не одни священники, но и всѣ ученики Христовы призваны проповѣдывать Христа (Архіеп. Никанора *Поученія* т. 2, стр. 467). Если же во время всел. соборовъ право церковнаго учительства было ограничено пастырями, то это объясняется историческими обстоятельствами (вѣдь тогда даже было воспрещено живое слово самимъ пастырямъ); внѣ же этихъ историческихъ особенностей, соединеніе учительства съ пастырствомъ имѣетъ существенный смыслъ въ *посольствѣ* пастырей церковью на учительство, причемъ не только церковью, но и епископъ или пресвитеръ могутъ разрѣшить мірянину проповѣдывать. Наша русская церковь обязываетъ проповѣдывать кандидатовъ богословія, конечно, съ благословенія епископа...

въ немъ внутренняго отклика, то съ глаголомъ Божиимъ бываетъ то же, что съ зерномъ, упавшимъ на мѣста каменистыя.

Призваніе весьма важно для проповѣдника и ничѣмъ не можетъ быть замѣнено.

Оно окружаетъ проповѣдника ореоломъ священнаго достоинства и даетъ ему неустрашимость. Быть посланникомъ Божиимъ, сознавать себя провозвѣстникомъ божественнаго слова—это значить имѣть въ себѣ силу, которой не могутъ сокрушить никакія препятствія, которая преодолеваетъ насмѣшки, гоненія, презрѣніе, изгнаніе, обиды, побои, заключеніе, которая не страшится ни власти, ни учености, ни суевѣрій толпы. Посылая пророка Іезекіиля къ народу еврейскому,—къ людямъ непокорнымъ, съ огрубѣлымъ лицомъ и съ жестокимъ сердцемъ, Господь говорилъ ему: *а ты, сынъ человѣческой, не бойся ихъ, и не бойся рѣчей ихъ, если волчцами и тернами будутъ для тебя и ты будешь жить у скорпіоновъ; не бойся рѣчей ихъ, и не страшись лица ихъ, ибо они мятежный домъ... весь домъ Израилевъ съ крѣпкимъ лбомъ и жестокимъ сердцемъ. Вотъ, Я сдѣлалъ и твое лицо крѣпкимъ противъ лица ихъ, и твое чело крѣпкимъ противъ ихъ лба. Какъ алмазъ, который крѣпче камня, сдѣлалъ Я чело твое; не бойся ихъ, и не страшись предъ лицомъ ихъ, ибо они мятежный домъ* (Іез. II, 3—6; III, 7—9).—Апостолы, по слову Христа, не боялись убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить (Мѣ. X, 28); терпя за благовѣствованіе Христово побои и заключенія, они радовались тому, что за имя Господа Іисуса удостоивались принять безчестіе. И всякій день въ храмъ и по домамъ не переставали учить и благовѣствовать объ Іисусѣ Христѣ (Дѣян. V, 41. 42). Апостолъ Павелъ писалъ Ефесянамъ: *молитесь о мнѣ, дабы мнѣ дано было слово, устами моими открыто съ дерзновеніемъ возвѣщать тайну благовѣствованія, для котораго я исполняю посольство въ узѣхъ, дабы я смѣло проповѣдывалъ, какъ мнѣ должно* (VІ, 18—20).

Призваніе въ связи съ духовною опытностью даетъ проповѣднику энергію, настойчивость и неусыпность въ служеніи слова. Непризванный проповѣдникъ не находитъ въ себѣ энергіи высказать то, что онъ знаетъ—знаетъ только изъ книгъ; совершенно обратное бываетъ съ проповѣдни-

комъ, опытно познавшимъ Христову истину и призваннымъ къ служенію слова. Онъ говоритъ свободно, охотно, съ увлеченіемъ. Завѣщаніе апостола своему ученику: *проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщивай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ* (2 Тим. IV, 2 ср. Дѣян. XV, 36; 1 Тесс. II, 12; IV, 1; 1 Тим. IV, 16)—можетъ быть понятно и исполнимо только для того, кто совершаетъ благовѣствованіе Христово съ внутреннимъ расположеніемъ, добровольно. Какое различіе между этою заповѣдуемою апостоломъ неусыпностью и тою холодною непризванныхъ проповѣдниковъ, которая выбираетъ времена для благовѣствованія Христа!

V.

Св. Григорій Двоесловъ въ объясненіе того, почему пророкъ Іеремія уклонялся отъ „должности проповѣдника“, пишетъ: „Іеремія, стараясь чрезъ созерцательную жизнь болѣе и болѣе утвердиться въ любви къ Богу, хотѣлъ было уклониться отъ этой должности; онъ опасался, чтобы чрезъ принятіе на себя должности проповѣдническаго служенія не лишиться плодовъ безмолвнаго созерцанія“. По смыслу этихъ словъ, проповѣдническая дѣятельность вноситъ ту особенность въ личную нравственную жизнь проповѣдника, что послѣдняя примѣняется къ слушателямъ, къ ихъ пользѣ. Это во всякомъ случаѣ означаетъ, что личная нравственная жизнь проповѣдника должна быть открыта для его слушателей, должна дѣйствовать на нихъ. Жизнь проповѣдника должна быть преимущественно *доброю* жизнью, преимущественно выражаться въ добрыхъ дѣлахъ и именно по отношенію къ слушателямъ, къ ихъ нуждамъ.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ училъ, по признанію самихъ слушателей, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники (Мр. I, 22 и пар.). Что же давало Ему такую власть надъ слушателями? Его добрыя дѣла. Народъ изумлялся сочетанію въ Немъ премудрости съ дѣлами: *что за премудрость дана Ему и какъ такіа чудеса совершаются Его руками* (Мр. VI, 2; Мѡ. XIII, 54)? Дѣла Іисуса Христа были таковы, что всѣ *чрезвычайно дивились и говорили: все хорошо дѣлаетъ: и глухихъ дѣлаетъ слышащими, и нѣмыхъ—говорящими* (Мр.

VII, 37),—*весь народъ радовался о всѣхъ славныхъ дѣлахъ Его* (Лук. XIII, 17).

Апостолы получили отъ Господа Иисуса Христа заповѣды не учить только, но и совершать дѣла, достойныя посланниковъ Божіихъ (Лук. IX, 12 и пар.). Согласно этой заповѣди они повсюду благовѣствованіе слова соединяли съ дѣлами благотворенія, исцѣляли больныхъ, изгоняли духовъ нечистыхъ. Ихъ благотворенія дѣлали ихъ пріятными для слушателей, такъ что бывала великая радость въ томъ городѣ, въ который они приходили (Дѣян. VIII, 8). Народъ внималъ ихъ словамъ и вѣрилъ ихъ ученію, потому что видѣлъ дѣла, совершаемыя ихъ руками (Дѣян. VIII, 6; XIII, 12 и мн. др.). Апостолы дѣйствовали по тому убѣжденію, что царство Божіе не въ словѣ, а въ силѣ (1 Кор. IV, 20; 1 Тесс. I, 5 ср. Римл. XV, 25; Гал. II, 10).

Какъ поступалъ Господь Иисусъ Христосъ, какъ поступали Его святые апостолы, такъ должны поступать и послѣдующіе проповѣдники слова Христова. Но какъ они уже не обладаютъ обычно даромъ чудотвореній, они должны благотворить естественными средствами. Благовѣстнику Христову надлежитъ быть къ своимъ слушателямъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ: онъ долженъ принимать близко къ сердцу ихъ нужды и страданія, чтобы они привыкли видѣть его сострадающимъ вездѣ, гдѣ только постигаетъ кого либо изъ нихъ скорбь. Въ такомъ случаѣ голосъ проповѣдника для нихъ будетъ не чуждымъ, но знакомымъ; они будутъ внимать не однимъ только его словамъ, но будутъ видѣть предъ собою живого, близкаго къ нимъ человѣка, онъ будетъ говорить имъ своимъ сердцемъ и они будутъ внимать ему сердцемъ. Хорошо объ этомъ предметѣ разсуждаетъ св. Григорій Двоесловъ: „нельзя одобрить, пишетъ онъ, тѣхъ пастырей, которые посвящаютъ свои занятія исключительно однимъ духовнымъ предметамъ, такъ что внѣшнія нужды паствы для нихъ какъ бы не существуютъ... Пасомые, не видя въ нихъ сочувствія къ своимъ нуждамъ, остаются въ свою очередь равнодушны и къ нимъ, пренебрегая большею частью ихъ пастырскими наставленіями, хотя въ существѣ своемъ и полезными, но слабо дѣйствующими на сердца ихъ, мало къ тому подготовленными и удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей не привлеченными. Выслушивая изъ

устъ ихъ обличенія своего невѣжества и своихъ проступковъ, но не видя сочувственнаго состраданія къ своимъ немощамъ и нуждамъ настоящей жизни, они неохотно слушаютъ ихъ духовныя бесѣды, а еще менѣе выполняютъ то, что имъ внушается въ нихъ. Для нуждающихся въ вещественныхъ благахъ недѣйствительны бываютъ уроки такого учителя, который не подаетъ имъ руки помощи въ претерпѣваемыхъ ими нуждахъ и не привлекаетъ къ себѣ милосердіемъ. Сѣмя слова Божія легко проникаетъ въ сердца ихъ, возрастаетъ и даетъ плоды тогда только, когда проповѣдникъ орошаетъ и поливаетъ его сострадательнымъ милосердіемъ къ нимъ“ (*Пр. наст.* I, 7) и т. д.

VI.

Любовь благовѣстника Христова къ слушателямъ своимъ должна обнаруживаться не только въ добрыхъ дѣлахъ, но и въ его полномъ самоотреченіи. Говоря такъ, мы не только не выступаемъ за предѣлы проповѣднической дѣятельности, но подходимъ къ тому, что есть самое существенное въ этой дѣятельности ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, какая послѣдняя цѣль христіанскаго благовѣствованія? Явленіе жизни въ слушателяхъ (2 Тим. I, 10),—жизни истинной, вѣчной, божественной. Но очевидно, человѣческое слово можетъ произвести жизнь только въ томъ случаѣ, если оно дѣйствуетъ не въ словесной или литературной отрѣшенности отъ жизни и внутренней дѣятельности говорящаго, а въ качествѣ орудія живого вліянія одного лица на другое, въ качествѣ средства живого общенія лицъ, связанныхъ „личными“ чувствами. Въ этомъ смыслѣ одно и то же слово въ устахъ различныхъ людей должно производить на слушателей различное дѣйствіе; въ этомъ случаѣ важно не одно то, что говорится, но и то, кѣмъ говорится. Жизнь произвести въ другомъ можетъ только тотъ, кто самъ въ себѣ имѣетъ жизнь; въ слѣдствіи не можетъ быть того, чего не дано въ причинѣ. И этого мало. Какъ жизнь въ другомъ можетъ произвести только тотъ, кто въ себѣ самомъ имѣетъ жизнь, такъ и самое произведеніе жизни не можетъ быть дѣйствіемъ чисто

¹⁾ И чего нѣтъ, даже въ подобіи и тѣни, въ ораторскомъ искусствѣ.

словеснымъ или литературнымъ, но должно быть живымъ воздѣйствіемъ одного лица на другое, жизненнымъ дѣломъ.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ Своимъ словомъ даровалъ намъ жизнь вѣчную, какъ Самъ Онъ сказалъ: *истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и вѣрующій въ пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную* (Іоан. V, 24). Почему же Его слово становится въ насъ началомъ истинной жизни? Потому, что Тотъ, отъ Кого исходитъ это слово, имѣетъ въ Себѣ истинную жизнь: *ибо какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ Себѣ* (Іоан. V, 26). Посему Господь Іисусъ Христосъ не былъ только учителемъ, но былъ вмѣстѣ и жизнедавецъ: Онъ Свою жизнь передалъ людямъ, слушающимъ слово Его, — Онъ даровалъ намъ истинную пищу, пребывающую въ жизнь, Онъ Самъ сталъ для насъ истиннымъ небеснымъ хлѣбомъ, Онъ Себя передалъ намъ, Свою плоть и кровь (Іоан. VI, 27. 33. 35. 51. 53—58). Какимъ же образомъ Онъ передалъ намъ Свою жизнь? Это было съ Его стороны дѣломъ жизни,—это было дѣло самоотреченія, смерти. Для того, чтобы люди, призванные Христомъ отъ тьмы къ свѣту, имѣли жизнь въ себѣ, Онъ положилъ за нихъ жизнь Свою: *Я пришелъ, говорилъ Онъ, для того, чтобы имѣли жизнь и имѣли съ избыткомъ. Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагаетъ жизнь Свою за овецъ* (Іоан. X, 10. 11); Онъ плоть Свою отдалъ за жизнь міра (Іоан. VI, 51). Здѣсь мы вступаемъ въ область глубочайшей тайны передачи жизни отъ одного другому, тайны духовнаго рожденія. Мы приближаемся къ ней чрезъ образъ рожденія естественнаго. Брошенное въ землю зерно, чтобы принести плодъ, должно прежде сгнить, умереть. Смерть является началомъ жизни—не одной жизни того, кто умираетъ, а жизни многихъ, которые нарождаются изъ смерти одного. *Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода* (Іоан. XII, 24). Въ этомъ дана основа возрожденія человѣка. Въ области духовной жизни жизнепроизводительное значеніе смерти проявляется въ двоякомъ отношеніи: въ отношеніи къ самому умирающему и въ отношеніи къ другимъ людямъ. Въ первомъ отношеніи умерщвленіе плотской, видимой, жизни по вѣрѣ въ жизнь невидимую и божественную становится источникомъ жизни

вѣчной, истинной: *любящій душу свою погубить ее; и ненави-
дящій душу свою въ міръ селъ сохранить ее въ жизнь вѣчную*
(Іоан. XII. 25). Мы должны всегда носить въ тѣлѣ мертвость
Господа Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ тѣлѣ
нашемъ (2 Кор. IV, 10; Рим. VIII, 13). Во второмъ отноше-
ніи страданіе и смерть одного человѣка, имѣющаго жизнь
въ себѣ,—страданіе и смерть его за другихъ становятся
источникомъ жизни для нихъ: смерть одного за другихъ
дѣлаетъ изъ его жизни зерно, или зародышъ жизни дру-
гихъ. Такъ прежде всего Самъ Іисусъ Христосъ, Который
есть хлѣбъ живой, спешій съ небесъ, сталъ нашимъ хлѣ-
бомъ чрезъ смерть, попесенную Имъ за насъ: Онъ отдалъ
плоть Свою за жизнь міра, Онъ душу Свою положилъ за
овецъ. Духовное рожденіе вполнѣ подобно физическому
рожденію страданіями: здѣсь также имѣютъ мѣсто не въ
метафорическомъ только смыслѣ, но дѣйствительныя муки
рожденія; но оно отличается отъ рожденія физическаго тѣмъ
преимущественно, что главною дѣйствующею силою въ немъ
является любовь. Она именно выражаетъ собою полноту
жизни, передающейся другимъ; она лежитъ въ основѣ само-
отреченія; она есть единственная причина, оживотворяю-
щая смерть; она есть самый ростокъ, пробивающійся къ свѣту
изъ мрака смерти. Безъ любви въ этомъ случаѣ — ничего,
любовь—всѣ. И смерть Христа за насъ была слѣдствіемъ
любви—любви божественной (Іоан. III, 16), любви Его Самого:
*нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою
за друзей своихъ* (Іоан. XV, 13).

Подобно тому, какъ въ нашихъ жилахъ течетъ кровь
Адама, такъ наша духовная жизнь есть явленіе въ насъ
жизни Христа: духовно мы живемъ Христомъ (Іоан. VI, 57
и мн. др.). И подобно тому, какъ жизнь органическая мо-
жетъ быть только непрерывною и дѣйствительно живетъ
только тотъ человѣкъ, который не отдѣленъ на протяженіи
тысячелѣтій отъ жизни Адама смертію (вѣдь всякій отецъ,
умирающій въ свое время, производитъ дѣтей при жизни
своей); такъ и духовно живъ только тотъ (христіанинъ), кто
чрезъ протяженіе вѣковъ соединенъ со Христомъ чрезъ
преемство Его непрерывно продолжающейся жизни. Неуга-
симый огонь Весты служить хорошимъ образомъ непрерыв-
ности христіанской жизни: пусть хоть разъ погасъ этотъ

огонь,—можно снова возжечь огонь, но это уже не тотъ, который многіе годы назадъ воспламенили предки. Такъ и духовная жизнь идетъ непрерывно чрезъ столѣтія и передается путемъ столькихъ же духовныхъ рожденій, сколько нарождается въ христіанствѣ духовныхъ дѣтей.

Отсюда понятно, въ чемъ состоитъ призваніе и сколь велико значеніе христіанскихъ благовѣстниковъ: они служатъ дѣлу духовнаго рожденія чадъ Христовыхъ, дѣлу непрерывной передачи жизни Христовой, Его любви. Таковы были апостолы. Они были посланы Христомъ въ качествѣ свидѣтелей Его ученія (Іоан. XV, 27); но ихъ служеніе міру не было только словеснымъ, а было жизненнымъ: какъ отъ Христа они не только слышали ученіе, но были возлюблены Имъ и чрезъ то сдѣлались причастниками Его вѣчной жизни (Іоан. XV, XVI, XVII), такъ и сами они должны были послужить явленію въ мірѣ любви Христовой и Его вѣчной жизни. Христосъ, пишетъ ап. Павелъ, *явилъ жизнь и нетлѣніе чрезъ благовѣстіе, для котораго я поставленъ проповѣдникомъ и апостоломъ и учителемъ* (2 Тим. I, 10). Поэтому-то благовѣствованіе, къ которому были призваны апостолы, необходимо соединялось для нихъ съ страданіями, съ муками рожденія и даже смертью плодоносящаго зерна. *За благовѣствование, пишетъ тотъ же апостолъ, я страдаю даже до узъ, какъ злодѣй; я все терплю ради избранныхъ, дабы и они получили спасеніе во Христа Иисуса съ вѣчною славой* (2 Тим. II, 9. 10). *Мы, пишетъ онъ Фессалоникійцамъ, изъ усердія къ вамъ, восхотѣли передать вамъ не только благовѣстіе Божіе, но и души наши, потому что вы стали намъ любезны* (1 Фесс. II, 8). Апостолы называютъ своихъ учениковъ дѣтьми, потому что ихъ соединяють съ слушателями узы духовнаго рожденія. *Прошу тебя, пишетъ тотъ же апостолъ Филимону, о сынъ моему Онисимъ, котораго родилъ я въ узахъ моихъ* (ст. 10) и т. д. Этотъ апостолъ въ необычайно трогательныхъ чертахъ и неоднократно описываетъ страданія духовнаго дѣторожденія. *Намъ, пишетъ онъ Коринѣянамъ, — намъ, послѣднимъ посланникамъ, Богъ судилъ быть какъ бы приговоренными къ смерти; потому что мы сдѣлались позорищемъ для міра, для ангеловъ и человѣковъ. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христа; мы немощны, а вы крѣпки; вы въ славѣ, а мы въ безчестіи... мы какъ соръ*

для міри, какъ пражъ, всѣми попираемый доныктъ. Не къ постыженію вашему пишу сіе, но вразумляю васъ, какъ возлюбленныхъ дѣтей моихъ... Я родилъ васъ во Христѣ Иисусѣ благоговѣствованіемъ (1 Кор. IV, 9—15). То же въ 2 Кор. IV, 5—12 и особенно ст. 12: *смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь въ васъ*: ср. VI, 3—10; XII, 15; XIII, 9: *мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны*; Гал. IV, 19: *дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ* и др. Легко понять, что апостоловъ соединяла съ ихъ учениками любовь самая глубокая. Это прежде всего была та любовь Христова, съ которою апостолы вышли на проповѣдь, которая легла въ основу ихъ благоговѣствованія. Богъ—свидѣтель, пишетъ ап. Павелъ Филиппійцамъ, что я люблю всѣхъ васъ любовью Иисуса Христа (I, 8). Но затѣмъ страданія благоговѣствованія, терпимыя ими ради избранныхъ и поучаемыхъ, дѣлали для нихъ дорогими тѣхъ, ради кого они страдали и умирали. Въ самомъ дѣлѣ, какъ для зерна, которое умерло и дало плодъ, этотъ плодъ есть все, въ немъ жизнь умершаго зерна, такъ и для апостоловъ, которые передавали своимъ слушателямъ благоговѣствованіе Христово вмѣстѣ съ своими душами (1 Фесс. II, 8), съ своею жизнью, все дорогое было сокрыто въ ихъ духовныхъ дѣтяхъ, — въ нихъ была ихъ радость, ихъ жизнь, ихъ слава, ихъ похвала. Для меня, пишетъ ап. Іоаннъ, нѣтъ большей радости, какъ слышать, что дѣти мои ходятъ въ истинѣ (3 Іоан. I, 4). Вы, пишетъ ап. Павелъ Коринѣянамъ, — вы — письмо Христово, чрезъ служеніе наше написанное не чернилами, но Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотныхъ скрижаляхъ сердца (2 Кор. III, 3). Уста наши отверсты къ вамъ, Коринѣяне, сердце наше расширено. Вамъ не тѣсно въ насъ (VI, 11. 12). Вы въ сердцахъ идущихъ, такъ чтобы вмѣстѣ и умереть и жить. Я много надѣюсь на васъ, много хвалюсь вами, я исполненъ утѣшеніемъ, преизобилую радостью, при всей скорби нашей (VII, 3. 4). Кто наша надежда, пишетъ тотъ же апостолъ Фессалоникійцамъ, или радость, или вѣнецъ похвалы? Не вы ли предъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ въ пришествіе Его? Ибо вы слава наша и радость (1 Фесс. II, 19. 20). Мы, при всей скорби и нуждѣ нашей, утѣшались вами, братья, ради вашей вѣры. Ибо теперь мы живы, когда вы стоите въ Господѣ. Какую благодарность можемъ мы

воздать Богу за васъ, за всю радость, которую радуемся о васъ предъ Богомъ нашимъ, ночь и день всеусердно молясь о томъ, чтобы видѣть лице ваше и дополнить, чего недоставало въртъ вашей (Ш, 7—10)? Вообще посланія ап. Павла второе къ Коринѳянамъ и первое къ Фессалоникійцамъ представляютъ яркое свидѣтельство глубокой любви, наполнявшей сердце апостола. Впрочемъ о томъ же свидѣлствуютъ и другія посланія его (Филип. I, 7—9; II, 12; IV, 1; Кол. II, 5; Рим. I, 9—12).

Тотъ же путь и такой же характеръ благовѣстнической дѣятельности апостолы заповѣдали своимъ преемникамъ въ дѣлѣ благовѣстническаго служенія (2 Тим. I, 8; IV, 5). И дѣйствительно, исторія и писанія знаменитыхъ христіанскихъ проповѣдниковъ представляютъ многочисленныя доказательства ихъ самоотверженной дѣятельности, ихъ глубокой любви къ своимъ слушателямъ. Такъ — ограничимся только немногимъ—св. Іоаннъ Златоустый однажды, послѣ вынужденнаго болѣзнь непродолжительнаго перерыва своей проповѣднической дѣятельности, началъ свою бесѣду (на притчу о должникѣ десятью тысячами талантовъ и пр.) такими словами: „Какъ будто возвратился я къ вамъ изъ дальняго пути, — такъ чувствую себя сегодня. Для любящихъ, когда имъ нельзя быть вмѣстѣ съ любимыми, нѣтъ никакой пользы отъ близости. Потому и мы, оставаясь дома, чувствовали себя ничѣмъ не лучше странниковъ, такъ какъ не могли въ прошедшее время бесѣдовать съ вами. Но простите: это молчаніе было не отъ лѣности, а отъ болѣзни. Теперь вы радуетесь тому, что мы освободились отъ болѣзни; а я радуюсь, что снова наслаждаюсь вашею любовію. Для меня, и тогда, какъ я былъ боленъ, тягостнѣе самой болѣзни было то, что я не могъ участвовать въ этомъ любезномъ собраніи; и теперь, какъ оправился отъ болѣзни, возжелѣннѣе самага здоровья то, что имѣю возможность наслаждаться вашею любовію“ и т. д. Онъ же, прощаясь съ (константинопольскою) цатьвою при отправленіи въ ссылку, говорилъ своимъ слушателямъ такъ: „вы мнѣ отцы, вы мнѣ жизнь, вы похвала. Если вы успѣваете, я прославляюсь, такъ что моя жизнь и богатство находятся въ вашей сокровищницѣ“ и т. д. Какою искреннею и глубокою любовію проникнуты эти слова Христова благовѣстника.

Вотъ образцы, которымъ должны подражать и современные проповѣдники. Самымъ сильнымъ мотивомъ благовѣстнической дѣятельности должна быть любовь проповѣдника къ слушателямъ, состраданіе къ нимъ.

О Господѣ Иисусѣ Христѣ евангелистъ повѣствуетъ: *Иисусъ увидѣлъ множество народа и сжалился надъ ними, потому что они были, какъ овцы, не имѣющія пастыря; и началъ учить ихъ много* (Мр. VI, 34; Мѳ. IX, 36).

И если каждый проповѣдникъ не имѣетъ въ сердцѣ своемъ такой же жалости къ требующимъ наученія, то онъ не можетъ быть благовѣстникомъ Христовымъ.

Съ этимъ общимъ пастроеніемъ любви въ проповѣдникѣ должны соединяться (ср. 1 Кор. XIII, 4—7) въ частности кротость, снисходительность и безкорыстіе — по примѣру (1 Тесс. II, 7. 9; 2 Тесс. II, 7—10; 1 Кор. IX, 1—22) и наставленію (2 Тим. II, 24. 25) апостоловъ. Въ томъ же направленіи и духъ дѣйствовали и наставляли дѣйствовать св. отцы и учителя церкви. Такъ св. Игнатій пишетъ епископу смирнскому Поликарпу: „снисходи ко всѣмъ, какъ и къ тебѣ Господь. Носи немощи всѣхъ. Если любишь только добрыхъ учениковъ, еще нѣтъ тебѣ за это благодати: лучше худыхъ покоряй кротостью“ (гл. I и II). Также св. Іоаннъ Златоустый въ бесѣдѣ на 1 Тим. II, 25 и мн. др.

VII.

Проповѣдническая дѣятельность должна имѣть характеръ пастырскаго душепопеченія. Вмѣстѣ съ этимъ мы утверждаемъ, что указанные нами нравственныя требованія имѣютъ отношеніе только къ проповѣднической дѣятельности, а не къ другимъ сторонамъ пастырскаго служенія, что пастырское душепопеченіе, поэтому, совпадаетъ съ дѣломъ проповѣдничества.

Предъявляемыя къ пастырямъ нравственныя требованія выступаютъ, прежде всего, за предѣлы, которые начертываются задачами служенія священнодѣйствій. Съ одной стороны, мы видимъ, что дѣло духовнаго рожденія рѣшительно связывается съ служеніемъ благовѣствованія. Такъ апостолъ Павелъ болѣе, чѣмъ другіе апостолы, послужилъ этому дѣлу духовнаго рожденія чадъ Христовыхъ, выполнѣ испыталь

муки духовнаго дѣторожденія и заслужилъ вполнѣ право назваться отцомъ многихъ рожденныхъ во Христѣ Іисусѣ: и однако извѣстно, что онъ былъ посланъ Христомъ не крестить, а благовѣствовать (1 Кор. I, 17), посему для него дѣло духовнаго дѣторожденія было связано съ благовѣствованіемъ, а не съ совершеніемъ таинства крещенія ¹⁾, и слѣдуетъ буквально понимать его слова къ Коринѳянамъ: *я родилъ васъ во Христѣ Іисусѣ благовѣствованіемъ* (1 Кор. IV, 15). Съ другой стороны, служеніе тайнодѣйствій, по изображенію его въ такихъ авторитетныхъ православныхъ сочиненіяхъ, какъ извѣстная книга *О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ*, требуетъ отъ священнослужителя только вѣры и благоприличія, нравственные же качества пастыря въ этой книгѣ излагаются во главѣ объ ученіи.

Пастыри, какъ правители христіанскаго общества, какъ устроители церковной дисциплины (и суда), вообще каноническаго порядка жизни, находятся къ пасомымъ во внѣшне-юридическихъ отношеніяхъ. Съ характеромъ такихъ отношеній вполнѣ согласно какъ то, что собственная дѣятельность правителей церкви опредѣляется болѣе или менѣе точною регламентаціею, такъ и то, что служеніе управленія христіанскимъ обществомъ совершается пастырями въ значительнѣйшей части коллективно.

Иное нужно сказать о служеніи духовнаго руководства, или пастырскаго душепопеченія. Это есть для пастыря не внѣшнее служеніе, а служеніе жизни; оно требуетъ отъ него высокихъ нравственныхъ качествъ, тяжелаго внутренняго подвига, глубокой любви и истиннаго самоотреченія. По этимъ требованіямъ пастырское служеніе духовнаго руководства пасомыхъ однородно съ изображенною выше проповѣдническою дѣятельностью. Но это совпаденіе не тѣмъ объясняется, что для изображенія благовѣстнической дѣятельности нами взяты краски изъ другой области, а тѣмъ, что и на самомъ дѣлѣ проповѣдническая дѣятельность и духовное руководство пасомыхъ должны быть связаны между собою неразрывно. Духовное руководство есть во всѣхъ своихъ видахъ не что иное, какъ благовѣстниче-

¹⁾ Само собою понятно, что говоримъ о таинствахъ *только* въ отношеніи къ нравственнымъ требованіямъ отъ священнослужителей...

ская дѣятельность; иначе сказать, проповѣдническая дѣятельность должна имѣть всегда и непрерывно характеръ пастырскаго душепопеченія. И дѣйствительно, какое можно указать основаніе для того, чтобы рѣчи священниковъ съ церковной кафедры къ прихожанамъ о предметахъ вѣры называть проповѣдями, а ихъ же рѣчи къ тѣмъ же прихожанамъ и съ тѣмъ же содержаніемъ внѣ храма такимъ именемъ не называть? Развѣ здѣсь рѣшающее значеніе имѣетъ то, что въ храмѣ священникъ имѣетъ много слушателей, а внѣ храма—немногихъ и даже, можетъ быть, одного? Или здѣсь важное значеніе имѣетъ та разница, что изъ посѣтителей храма большая часть обыкновенно не чувствуетъ особенной нужды въ опредѣленномъ наученіи и готова, если только готова, слушать всякое христіанское наставленіе, тогда какъ собесѣдники пастыря внѣ храма обычно носятъ каждый на себѣ особый отпечатокъ и каждый изъ нихъ имѣетъ опредѣленную духовную жажду—одна семья нуждается въ умиротвореніи, другая въ утѣшеніи, здѣсь зоветъ пастыря къ себѣ умирающій, тамъ — колеблющійся въ вѣрѣ? Или исключительное основаніе для названія пастырской рѣчи съ церковной кафедры именемъ проповѣди въ томъ, что она обычно составляется предварительно по извѣстной гомилетической формѣ и произносится по тетрадкѣ, тогда какъ его бесѣда внѣ храма бываетъ живою рѣчью и льется свободно изъ его сердца? Но развѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ училъ только въ храмѣ и синагогахъ, а не училъ по большей части въ полѣ, на улицѣ, при рѣкѣ, по дорогѣ, въ частномъ домѣ? Развѣ Онъ проповѣдывалъ только многочисленнымъ слушателямъ, а Его бесѣды съ Никодимомъ, самарянкою, сестрами Лазаря уже не были проповѣдью? Развѣ Его ученіе не было всегда живою безыскусственною рѣчью и не отвѣчало самымъ сердечнымъ запросамъ слушателей—всѣхъ и каждого въ отдѣльности? Ученіе о духовномъ возрожденіи Онъ раскрылъ въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, ученіе о воскресеніи Онъ разъяснялъ въ утѣшеніи Марѣ и Маріи.... Его ученіе менѣе всего можно сравнивать съ философскою системою, въ которой каждый частный вопросъ вызывается только отвлеченною послѣдовательностью мысли и которая не хочетъ знать частныхъ особенностей учениковъ. Ученіе Свое Іисусъ Христосъ открывалъ

всегда съ той стороны, съ которой оно было доступно Его слушателямъ, имѣло точки соприкосновенія съ ихъ духовнымъ развитіемъ и состояніемъ, — всегда въ отвѣтъ на запросы того или другого изъ слушателей, то утѣшая, то порицая, то ободряя,—всегда руководя душами. Онъ былъ нераздѣльно на каждый моментъ учитель и пастырь. Тотъ же характеръ благовѣстнической дѣятельности Онъ заповѣдалъ и ученикамъ своимъ: *идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ* (Мѳ. XXVIII, 20). Не совпадаетъ ли пастырская душепопечительность съ „наученіемъ соблюдать все, что заповѣдалъ“ Господь (*διδασκαλία*): но это „наученіе соблюдать все, что заповѣдалъ“ Господь, можно ли отрывать отъ того наученія, которое предшествуетъ крещенію (*μυητήρια*)?... Апостолы поступали согласно этой заповѣди: они учили не только въ церквахъ и всенародно, но и по домамъ.... каждаго (Дѣян. V, 42; XX, 20. 31). Также понимали проповѣдничество отцы и учителя церкви. Прочитайте, напр., наставленія св. Григорія Великаго о содержаніи проповѣди примѣнительно къ лицамъ и состояніямъ, и скажите,—если отдѣлять душепопеченіе отъ проповѣдничества,—къ чему относятся эти наставленія, къ первому или второму. Въ нашей отечественной книгѣ *О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ* указываются пять видовъ ученія, которое „долженъ священникъ къ народу предлагать“: 1) учить вѣрѣ; 2) изобличать ереси и суевѣрія; 3) „развращенныхъ въ беззаконіи исправлять; 4) правовѣрныхъ и честныхъ въ добродѣльномъ житіи наставлять и утверждать; 5) печальныхъ и отчаивающихся утѣшать и возсталять“. Въ этой книгѣ предписывается пастырямъ учить не только въ церквахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, но и по домамъ, благовременно и безвременно, приватно и уединенно, слѣдить, подобно пастырю, оставляющему девяносто девять овецъ ради отысканія одной заблудшей, за правственнымъ состояніемъ каждаго прихожанина и предлагать каждому соотвѣтствующую пищу и лекарство....

VIII.

Если различать проповѣдь миссіонерскую отъ дидаскаліи, то легко видѣть, что каждая изъ нихъ одинаково требуетъ

отъ пастыря внутренняго подвига и нравственнаго дѣланія. Наученіе „соблюдать все, что заповѣдалъ Господь“ есть именно пастырское душепопеченіе въ общепринятомъ смыслѣ этого слова; а проповѣдь миссіонерская, какъ имѣющая прямою цѣлью духовное рожденіе чадъ Христовыхъ, именно по этой цѣли должна имѣть характеръ христіанскаго дѣла, а не литературнаго или словеснаго занятія. Проповѣдь, какъ простое христіанское наученіе, есть уже живое дѣло христіанской любви и самоотреченія, и понимать ее иначе, т. е. въ смыслѣ только теоретическаго занятія, значитъ понимать ложно. Даже школьное наученіе Закону Божию не можетъ имѣть надлежащихъ успѣховъ, если оно бываетъ для законоучителя только теоретическимъ занятіемъ. Нельзя безъ удовольствія читать слова извѣстнаго педагога, К. П. Яновскаго: „успѣхъ преподаванія Закона Божія въ учебномъ заведеніи, съ цѣлью развитія въ учащихся христіанской любви, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ личности законоучителя. Законоучитель долженъ быть проникнутъ убѣжденіемъ, что его преподавательская обязанность заключается въ развитіи въ учащихся христіанскихъ качествъ—любви къ Богу и къ ближнему. Но, чтобы достигнуть этого, онъ самъ долженъ быть преисполненъ христіанской любви вообще, а къ дѣтямъ въ особенности; такъ какъ только при этомъ условіи онъ будетъ имѣть на нихъ нравственное вліяніе и можетъ рассчитывать на расположеніе и уваженіе къ себѣ со стороны дѣтей, т. е. на такія ихъ качества, съ помощью коихъ онъ легко можетъ вліять, съ помощью слова Божія, и на развитіе въ нихъ христіанскихъ качествъ—любви къ Богу и ближнему“ (Рус. шк. 1898, № 7—8 стр. 85).

Но возраженіе противъ душепопечительнаго характера проповѣднической дѣятельности можетъ идти совершенно съ противоположной стороны. Могутъ сказать: что миссіонерская проповѣдь, имѣющая цѣлью духовное рожденіе чадъ Христовыхъ, должна быть дѣломъ пастырской жизни, вліяніемъ личности проповѣдника на волю слушателей, это весьма понятно; но проповѣдь, имѣющая слушателями уже духовно возрожденныхъ христіанъ и цѣлью—поддержаніе и возрастаніе въ нихъ духовной жизни, легко можетъ обходиться безъ вліянія личности проповѣдника на волю слушателей. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ нѣмецкіе гомилеты.

слѣдующіе Шлейермахеру и не признающіе за проповѣдникомъ права воздѣйствовать на волю слушателей. Точно съ такимъ же возраженіемъ гомилетика того направленія, которое мы признаемъ должнымъ, встрѣчается въ другомъ мѣстѣ, именно тамъ, гдѣ она утверждаетъ, что проповѣдь имѣетъ своею существенною задачею научить слушателей евангелію, что она всегда должна быть учительна ¹⁾, на что и возражаютъ, что такую должна быть собственно проповѣдь миссіонерская, проповѣдь же, обращенная къ духовно возрожденнымъ христіанамъ, не имѣющимъ нужды въ наученіи, должна не научать, а выражать чувства, одушевляющія христіанское общество. Такое возраженіе во всей опредѣленности идетъ также со стороны нѣмецкой гомилетики извѣстнаго направленія. Что сказать на такіа возраженія? Такіе гомилеты совершенно упускаютъ изъ вниманія то, что для другихъ не подлежитъ сомнѣнію, именно, что, въ случаѣ различенія миссіонерской проповѣди отъ дидаскаліи, послѣдняя должна быть признана совпадающею съ душепопечительною пастырскою дѣятельностью. Самое же главное, что должно указать въ отвѣтъ на приведенныя возраженія, это то, что не слѣдуетъ совершенно порывать связь между дидаскаліей и проповѣдью миссіонерскою,—не слѣдуетъ думать, будто слушатели проповѣди изъ христіанъ не имѣютъ нужды въ наученіи. Представьте себѣ тѣ тысячи простецовъ въ вѣрѣ, которые наполняютъ наши сельскіе храмы, и скажите, не нуждаются ли они въ христіанскомъ наученіи, не народъ ли это, сидящій во тьмѣ? А жители нашихъ городовъ, столь во многомъ отличающіеся отъ сельскихъ жителей и столь превосходящіе ихъ образованностью, не такіе же ли это простецы въ дѣлахъ вѣры? Но пусть многіе, очень многіе изъ слушателей церковной проповѣди знаютъ евангеліе; но это знаніе не подавляется ли во всѣхъ и всегда тьмою страстей и заблужденій до такой степени, что мы, именующіе себя христіанами, многого въ евангеліи видя не видимъ и слыша не слышимъ? Въ нашемъ современномъ христіанскомъ обществѣ не только много пороковъ, которые совершаются нами по слабости нашей воли, когда мы хотимъ дѣлать доброе и по внутреннему чело-
вѣку на-

¹⁾ См. ниже.

ходимъ удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но у насъ много заблужденій, которыя закрываютъ отъ насъ свѣтъ евангелія и которыя для насъ замѣняютъ евангельское ученіе. мы многое дѣлаемъ какъ христіанское такое, что на самомъ дѣлѣ не есть христіанское. Совершенно ложно думаютъ, будто знать евангеліе весьма легко и будто всѣ мы, составляющіе христіанское общество, знаемъ евангеліе. Просто евангеліе для чистыхъ сердцемъ, но для нашего общества многое въ немъ сокрыто, наше христіанское общество столь нуждается собственно въ евангельскомъ наученіи! Но согласимся и съ тѣмъ, что члены современнаго христіанскаго общества знаютъ евангельское ученіе. Однако, кто станетъ отрицать, что для многихъ изъ нихъ это есть знаніе теоретическое, не сопровождающееся духовнымъ перерожденіемъ,—знаніе книжное, мертвое. Какъ еще много здѣсь дѣла для истиннаго проповѣдника, для его живого, трогательнаго, убѣждающаго и возрождающаго слова. Только живое слово проповѣдника можетъ придать духъ и жизнь этому теоретическому знанію и въ его словѣ одинаково нуждаются простецъ и ученый богословъ ¹⁾. О. М. Достоевскій въ лицѣ о. Зосимы мастерски начертилъ образъ такого проповѣдника, который живымъ словомъ привлекаетъ къ себѣ сердца всѣхъ, простецовъ и ученыхъ,—а вѣдь этотъ образъ, будемъ помнить, снятъ съ живой дѣйствительности. Наконецъ, даже переживъ духовное возрожденіе, человѣкъ-христіанинъ не становится выше нужды въ живомъ возрождающемъ словѣ проповѣдника. Духовное возрожденіе по отношенію ко времени своего совершенія не можетъ быть сравниваемо съ рожденіемъ физическимъ. Физически человѣкъ рождается въ полнотѣ органической жизни; не таково рожденіе духовное. Вѣтхій человѣкъ живетъ въ насъ и послѣ того, какъ мы рождаемся духовно; въ членахъ нашихъ продолжаетъ дѣйствовать законъ грѣха и тогда, когда мы соусплаждаемся закону Божію. Христіанинъ все время своей жизни пуж-

¹⁾ Если богословски образованные не слушаютъ проповѣдей, то, разумѣется, только тѣхъ, которыя сами подобны богословскимъ трактатамъ. Но живой проповѣди никогда не можетъ замѣнить ни богословская кафедра, ни богословская ученая книга и какъ, поэтому, не должна походить живая проповѣдь на учено-богословскій трактатъ!

дается въ возрождающемъ словѣ проповѣдника ¹⁾... И нынѣ, и въ нашемъ христіанскомъ обществѣ—жатвы много и много требуется дѣлателей...

IX.

Указывая послѣднюю цѣль проповѣди въ духовномъ возрожденіи слушателей и средство для достиженія этой цѣли—въ любви проповѣдника, въ подвигѣ его самоотреченія, путемъ котораго христіанская жизнь непрерывно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, мы однако были бы далеки отъ истины, если бы не ограничили своей мысли. Самоотреченіе проповѣдника—это то, что требуется отъ человѣка для содѣйствія божественнымъ цѣлямъ, но собственно дѣйствующая сила въ возрожденіи человѣка есть божественная благодать. Въ этомъ дѣлѣ *насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возвращающій. Насаждающій и поливающій суть только соработники у Бога*, а возрожденные суть *Божія нива, Божіе строеніе* (1 Кор. III, 7—9). По существу это нисколько не измѣняетъ сказаннаго о пути, которымъ христіанская жизнь передается изъ поколѣнія въ поколѣніе: сила Божія дѣйствуетъ человѣческими средствами,—возвращаетъ то, что сѣетъ и поливаетъ человѣкъ; но для отдѣльныхъ случаевъ здѣсь дана возможность неограниченныхъ исключеній. Эти исключенія возможны въ двоякомъ отношеніи. Прежде всего можетъ быть безъ результата полнота человѣческихъ усилій, можетъ быть бездѣйственно слово проповѣдника, исполненнаго любви, самоотверженнаго и неутомимаго. Здѣсь обильное сѣяніе, обильная поливка, но нѣтъ дѣйствія возвращающей силы Божіей или потому, что нива недостойна этого, или по другой какой причинѣ... Эту ограниченность въ дѣйствіи проповѣди кратко выразилъ св. апостолъ Іоаннъ, сказавъ: *кто не отъ Бога, тотъ не слушаетъ насъ* (1 Іоан. IV, 6). Но исключеніе возможно и въ совершенно обратномъ отношеніи,—возможно, что слово проповѣдника не искреннее, не подтвержденное примѣромъ собственной его жизни, западетъ глубоко въ душу слушателя и принесетъ обильный плодъ. Мы снова должны оговориться,

¹⁾ Отношеніе этой нужды къ 1 Іоан. II, 27 подобно отношенію 1 Іоан. I, 8 къ 1 Іоан. III, 6, 9.

что подобные случаи, какъ бы ни были многочисленны, не противорѣчаютъ сказанному о нормальномъ пути духовнаго возрожденія, что они представляютъ исключеніе только въ отношеніи *этого* проповѣдника къ *этому* слушателю, что не искреннее слово проповѣдника можетъ западать въ душу такого слушателя, который обстоятельствами своей жизни и другими личными отношеніями уже подготовленъ къ душевному перевороту, здѣсь услышанное случайно слово имѣетъ значеніе зерна, которое падаетъ на почву уже взрыхленную и увлажненную, оно открываетъ сознанію человѣка то, что въ немъ уже созрѣло. Не случайно было обращеніе бл. Августина, и еще раньше обращеніе Савла, при всей своей чудесности, совершилось не безъ психологической подготовки, которую создало то, что онъ былъ гонителемъ христіанъ. Однако въ отношеніи къ тому или другому проповѣднику такіе случаи представляютъ исключеніе, а они могутъ быть многочисленны. Посему не основывается ли ими возможность такой проповѣднической практики, въ которой слово пріобрѣтаетъ значеніе внѣ связи съ жизнью проповѣдника? Не то ли говоритъ апостолъ, когда пишетъ: *нѣкоторые по зависти и злобѣ проповѣдуютъ. Но что до того? Какъ бы ни проповѣдали Христа, притворно, или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться* (Филип. I, 15. 18)¹⁾. Тѣмъ болѣе, что для слушателей въ отношеніи къ такимъ проповѣдникамъ имѣютъ полную силу слова Господа Іисуса Христа: *все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и делайте; по деламъ же ихъ не поступайте: ибо они говорятъ и не дѣлаютъ* (Мѡ. XXIII, 3)... Но даже на такіе случаи проповѣдникъ долженъ помнить, что, проповѣдуя не искренно, живя противно тому, чему самъ же учитъ, онъ разрушаетъ одною рукою то, что созидаетъ другою, онъ противодѣйствуетъ силѣ Божіей, онъ сокращаетъ возможность такихъ случаевъ. О, если бы для него было возможно только не содѣйствовать Богу, но здѣсь несодѣйствіе есть уже противодѣйствіе, — по-истинѣ, кто не со Христомъ, тотъ противъ Него (Лук. XI, 23). Давая возможность своимъ слушателямъ сказать ему: *врачъ! исцѣли самого себя* (Лук. IV, 23), проповѣдникъ тѣмъ самымъ отталкиваетъ слушате-

¹⁾ Слова апостола должны объясняться контекстомъ.

лей отъ Христа и его проповѣдь „по большей части не токмо студена бываетъ, и педѣйствительна, но и развратительна еще, понеже наводитъ многимъ подозрѣніе, вѣру быти баснею, а добродѣтель виною только лихоиманія“ ¹⁾... Наконецъ, въ самомъ послѣднемъ случаѣ, проповѣдникъ долженъ помнить по крайней мѣрѣ о своей личной отвѣтственности за дѣло, къ которому онъ призванъ. Здѣсь проповѣднику не только, какъ и всякому другому дѣлателью, угрожаетъ отвѣтственность за свое дѣло, но его отвѣтственность особенно усиливается тѣмъ, что онъ учитъ другихъ, и потому, не дѣлая того, чему учитъ другихъ, осуждаетъ себя самого (ср. Іак. III, 1). Богъ будетъ судить каждаго человѣка его же собственными устами (Лук. XIX, 22) и потому исключительно строгій судъ угрожаетъ учителю. *Неизвинителенъ ты, всякій человекъ, судящій (другаго), ибо тѣмъ же судомъ, какимъ судишь другаго, осуждаешь себя, потому что, судя (другаго), дѣлаешь то же... Ты самъ себя собираешь гнѣвъ на день гнѣва и откровенія праведнаго суда отъ Бога... Какъ ты, уча другаго, не учишь себя самого? проповѣдуя не красть, крадешь? говоря: не прелюбодѣйствуй, прелюбодѣйствуешь? гнушаясь идолами, святотатествуешь? хвалишься закономъ, а преступленіемъ закона безчестишь Бога (Римл. II, 1. 5. 21—23)?..*

Михаилъ Гартневъ.

¹⁾ О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ гл. 48.